

ПРОГУЛКИ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ

Альбин Конечный

В 1713 г.¹ (по другим источникам² в 1712 г.) была прорублена в лесу Большая перспективная (перспективная) дорога, ведущая от Адмиралтейства к Александро-Невскому монастырю, которая в 1738 г. получила официальное название Невской перспективы, а в конце XVIII переименована в Невский прешпект (проспект).

При Павле I в 1800 г. вдоль проспекта (по обеим сторонам) устроили аллеи³ и знаменитое первомайское Екатерингофское гулянье впервые было перенесено в город.

С тех пор, как император Павел Петрович подарил Екатерингоф и Анненгоф князю Гагарину и графу Палену, майское гулянье и гулянье в Троицын день происходят уже не в Екатерингофе, а было 1-го мая 1800 г. на Невском проспекте. Богатые экипажи тянулись в два ряда от Зеленого моста, через Большую и Малую Садовую улицы, вдоль Екатерининского канала, на Царицын луг. [...] Новое украшение этой улицы, т. е. Невского проспекта, аллеями обошлось в 60 тысяч рублей; от него особенно выиграли местные обыватели, потому что таким образом у них теперь под рукою приятное место для прогулок.⁴

¹ Невский проспект проложен в 1713 г. от Адмиралтейства к деревянному Невскому монастырю; "по обе стороны сей улицы посажены были тогда же березы" (Башуцкий А. П. Панорама Санктпетербурга. СПб. 1834. Ч. 2, с. 130; см. также: Греч А. Н. Весь Петербург в кармане. СПб. 1851, с. 385).

² С. Г. Рункевич в статье "Двухсотлетний юбилей Невского проспекта. 1712-1912", основываясь на архивных материалах Александро-Невской лавры, утверждает, что просека к монастырю была проложена в 1712 г. не пленными шведами, а монахами (Новое время. 1912. 11 (24) октября).

³ Греч А. Н. Весь Петербург в кармане. СПб. 1851, с. 385.

⁴ Реймерс. Петербург при императоре Павле Петровиче в 1796-1801 гг. / Пер. с нем. // Русская старина 1883. Т. 39. № 7-9, с. 474.

Известные по литературе дневные прогулки (с двух до четыре часов) по левой солнечной стороне Невского от Полицейского (ныне: Зеленого) до Аничкова моста вошли в моду в царствование Александра I, который любил гулять по Английской набережной, тогда же получило распространение слово *пешеходец*. “Можно смело сказать, что только вокруг Зимнего дворца, на Невском проспекте до Аничкова моста, в двух Морских и в двух Миллионных была Европа, – вспоминает Булгарин город начала XIX века, – далее повсюду выглядывала Азия и старинная *предпетровская Русь*, с своею полудикостью и полуварварством”.⁵

После того, как в 1805 г. посреди проспекта была проложена аллея от Полицейского до Аничкова моста⁶ Страхов с иронией отмечал:

Предки наши теряли жизнь сидючи, а ныне настал век потери оной стояючи, ходя и вне дома. Прогулка располагает всем образом жизни до такой степени, что всякому приезжему и давно здесь не бывавшему непременно нужно прежде всех мест идти на *бульвар*. Там он узнает, что ныне просыпаются в одиннадцать часов утра, начинают прогулки в два часа за полдень, продолжают до четырех, садятся за стол в пять, кончат обед в шесть часов; потом, кто чрез два, кто чрез три часа, но почти все бегут на *бульвар*, где остаются летом до одиннадцати, а зимою – до девяти часов. [...] Итак, *бульвар* для праздных людей есть средство никогда не быть с самим собою, женой, детьми, старыми приятелями, делами и совестью: верный способ вместо десяти добрых дел и десяти полезных мыслей, во весь день ни одного не сделать и ни одной не иметь. *Бульвар* сделался сходбищем, куда идут торговать счастье, покупать веселие, прицениваться к найму друзей, нанимать и наниматься любить! [...] В мое время, так называемая *Английская набережная* почиталась лучшею прогулкою *большого света*, а люди *малого мира* смели только передвигать себя по *набережной против Летнего сада*. Сии богатые рамы зеркал, обтекающих и рисующих в себе прелестный Петербург, ныне променяны на *бульвары*, не имеющие округ себя ничего живого, кроме толпящихся людей.⁷

В 1820 г. Свинын в заметке “Невский проспект в новом виде” отмечал перемены на парадной части улицы:

В прошедшем мае месяце Невский проспект, как неким очарованием, принял новый, несравненно лучший вид, явился прекраснейшею в свете улицею, в коей единственно нуждалась великолепная столица для торжественных случаев и выездов. Как будто по мановению волшебного жезла исчез высокий бульвар, разделявший его на две равные половины, и теперь

⁵ Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб. 1846. Ч. 1, с. 199.

⁶ Греч А. Н. Весь Петербург в кармане. СПб. 1851, с. 386.

⁷ Страхов Николай. Мои петербургские сумерки. СПб. 1810. Ч. 1, с. 29, 32, 76.

уже на месте сем разъезжают экипажи по гладкой мостовой. Справедливость требует однако ж заметить, что если бульвар сей стеснял лучшую в столице улицу, то заключал для пешеходцев и некоторые выгоды, коих не представляют тротуары, сделанные ныне по обеим сторонам улицы. Во-первых, пешеходец, идя по нем, не был беспокоиваем встречей с экипажем, коих теперь должен он беречься при всяком переходе мимо ворот под домами; во-вторых, взор его любовался ровно обеими сторонами улицы и наконец с бульваром исчезнет любопытная отличительность сей улицы, нередко случавшаяся весною, т. е., что на одной стороне катались еще в санях, а по другой неслась пыль столбом от карет и дрожек! Но главная цель, для коей, вероятно, был он устроен, чтобы пешеходец во всякое время мог найти здесь приятное и покойное гулянье – оставалась невыполненною: ни весною, ни осенью, когда всего более нужно *удобство* уклониться от грязи, – нельзя было почти ходить по бульвару. В сем отношении нынешние тротуары несравненно превосходнее – быв вымощены плитами, они всегда сухи, даже после самого сильного дождя.

Невский проспект имеет в ширину двадцать четыре сажени. Длина его от Адмиралтейства до Аничкова мосту 1 верста 435 сажен, от Адмиралтейства до Знаменья 2 версты 405 сажен, до Невского монастыря 4 версты 185 сажен (4, 6 км. – А. К). Следовательно, он превосходит длиною величайшие лондонские улицы – *Оксфордскую* и *Портландскую*, из коих первая около 2 $\frac{1}{4}$ версты длиною, а другая с небольшим 2 $\frac{1}{2}$ версты. Сверх того, Невский проспект не имеет единообразия сих улиц, утомительного для глаз при самой огромности и великолелии зданий, кои быв почти все одной высоты и одинакового кирпичного цвета, представляются бесконечными казармами. Напротив того, у нас, кроме разнообразия архитектуры и цвета домов, пред многими зданиями на сей улице находятся площадки и уступы, как-то: перед Казанским собором, католическую церковь, Гостиным двором и дворцом великого князя Николая Павловича.⁸ Зелень деревьев, коими усажено пространство между Полицейским и Аничковым мостами, по обеим сторонам улицы у тротуаров (числом около 500 лип), придает ни мало красот сей единственной улице. Сверх того, они не будут допускать пыль проникать в дома. Пятьдесят фонарей с реверберами,⁹ привешенных на чугунных столбах изящной фигуры (вылитых на заводе г. Кларка, по рисункам инженер-майора Базец), будут разливать яркий свет на сем пространстве улицы. Каждый из сих столбов имеет три сажени в вышину и поставлен на гранитовом пьедестале вышиною около 1 $\frac{1}{2}$ аршин.

Улица сия украсится еще более, когда на Казанской площади поставится предположенный монумент князю Кутузову-Смоленскому и Аничков мост переделается во всю ширину улицы, подобно Полицейскому. Жела-

⁸ Имеется в виду Аничков дворец, который в эти годы принадлежал Николаю Павловичу.

⁹ Ревербер — здесь: рефлектор.

тельно также, чтобы господа хозяева домов взяли пример с г. Данилова, устроившего дождевые трубы у своего дома, что на Садовой и на Фонтанке, таким образом, что вода с крышек стекает под тротуары и не беспокоит ни мало гуляющих по ним.¹⁰

А в 1830 г. газета “Северная пчела” сообщала:

Невский проспект в С. Петербурге есть без сомнения лучшая улица в мире, как по правильности, длине и ширине своей, так и по красоте, великолепию зданий. Две оконечности Невского проспекта, Адмиралтейство и Невский монастырь, соединяются рядом величественных церквей и зданий, между коими Аничковский дворец и Гостиный двор занимают первое место. Присовокупте к этому новостроящийся театр,¹¹ великолепные мосты, тротуар, множество богатых магазинов, и вы не найдете ни в одной столице ничего подобного. Иностранцы исстари называют Невский проспект *улицею веротерпимости*.¹² Здесь находятся Казанский собор, церковь Знамения, Александроневская лавра, церкви римско-католическая, лютеранская и армянская. Поэт мог бы смело назвать Невский проспект *душою* Петербурга. Здесь средоточие торговли и общее собрание жителей по делам и для прогулки в длинную нашу зиму. Кто был однажды в Петербурге, тот вспоминает о Невском проспекте, как посетитель Парижа о Пале-Рояле.¹³

Далее в заметке говорится, что “г. Прево, надзиратель выставки произведений русских художников, вздумал издать рисунок Невского проспекта в виде панорамы. [...] Исполнение сего предприятия поручено русским художникам гг. Садовникову и Иванову”.

В 1830-1835 гг. художниками Ивановыми по акварелям В. С. Садовникова была исполнена огромная панорама (более 15 м. в длину) Невского проспекта от Адмиралтейства до Фонтанки.¹⁴ В первой половине

¹⁰ Отечественные записки 1820. № 2, с. 342-346.

¹¹ Александринский театр.

¹² Ср. :“ Был даже проект, предложенный одним французом, переменить название Невского проспекта на Rue de tolerance, т. е. равенства, причем поводом к подобному названию он указывал на существующие на Невском иностранные церкви: католическую, лютеранскую, протестантскую и армянскую. Проект этот, конечно, был отвергнут” - Северцев (Полилов) Г. Т. С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник 1903. Т. 92. Май, с. 621.

¹³ Смесь // Северная пчела 1830. 4 марта.

¹⁴ См.: [Садовников В. С.]. Панорама Невского проспекта. Воспроизведение литографий, исполненных И. Ивановым и П. Ивановым по акварелям В. С. Садовникова и изданные А. М. Прево в 1830-1835 гг. Л. 1974.

XIX в. зарисовки Невского проспекта оставили художники: Н. Ф. Алфиров, В. Барт, К. П. Беггров, Л. Л. Бонштедт, Т. А. Васильев, К. Вольф, М. Г. Лори-сын, А. Е. Мартынов, Ф. К. Неелов, Б. Патерсен, Шютц.¹⁵ Заметим, что все художники зафиксировали Невский главным образом на участке от Мойки до Фонтанки.

Пушкарев приводит описание Невского конца 1830-х годов:

Вот Невский проспект, предмет водевилей, эпитаграмм, повестей и рассказов. Не бывавши даже в Петербурге, вы может быть слышали о Невском проспекте в какой-нибудь отдаленной деревеньке, в кругу семейств, посещавших нашу северную столицу. Добрые помещики любят развлекать однообразие сельской жизни, скуку семейных вечеров разговорами о Невском проспекте, о пышности и великолепии его магазинов, кондитерских, гостиниц, о красоте и ловкости магазинщиц и необыкновенной услужливости магазинщиков, о превосходной перспективе для прогулок, для приятных ощущений. По справедливости, Невский проспект заслуживает особенное внимание и посетителя-провинциала и наблюдателя-космополита; одни называют эту длинную улицу знаменитою областью мод, другие большим европейским рынком; но кажется проще и справедливее сказать, что это обитель русской мелкой промышленности, перешедшей сюда с Большой Садовой улицы и перерядившейся в иностранный костюм ради слепого подражания. От Адмиралтейского бульвара до Аничкова моста вся левая часть и часть правой стороны Невского проспекта унизаны магазинами под иностранными вывесками. Сквозь зеркальные стекла, как в калейдоскопе, пестрят блонды, чепчики, английские гравюры, детские платья, конфеты, французские сюрпризы, хрустальные скляночки, искусственные цветы, парижские куклы, поддельные зубы, парики, механические и химические инструменты, и все это представляется глазам вашим в привлекательном виде, днем освещенное лучами солнца, ночью ослепительным блеском газа; манит воображение ваше, обольщает чувства и волею или неволею, а вы зайдете в модный магазин и присядете отдохнуть на вылакированный прилавок. Не угодно ли вам купить чего-нибудь? Пред вами все изделия вкуса, прихоти моды, изделия с волшебными прилагательными: *аглицкое, голландское, италянское, французское*. Не сгруднулось ли вам, может стать, при мысли, что между всеми и безделками и товарами не видите ничего русского, своего, отечественного произведения; но посмотрите пристальнее – это фокус-покус мелкой промышленности. Чтоб услужить вам чем-нибудь *не-русским*, она переносит сюда из грязных русских мастерских сделанные руками русских или чухонцев по иностранным рисункам разные товары, которые после бережно кладет за зеркальное стекло шкафа или на столик красного дерева роскошно убранного

¹⁵ Подробнее см.: Невский проспект в изобразительном искусстве. XVIII-первая половина XIX века: Каталог выставки. Л. 1978.

магазина. В нескольких магазинах вы найдете только главных хозяев – французов, англичан, в других русских купцов и по большей части сидельцев¹⁶ из иностранцев; почитая память прежних своих основателей, многие магазины сохраняют до сего времени с благодарностию их фамилию на своих вывесках, и теперь еще прочтете: магазин бывший Ленца и прочих содержателей, давным-давно расставшихся и с здешним миром, и с промышленностью. От Аничкова моста к Знаменской меньше уже иностранных магазинов; кое-где мелькают вывески с словами *Handlung, Verkauf, Vente*, зато целый ряд лавок наполнен конскою сбруею, рогожами, циновками и прочими необходимыми в хозяйственном быту материалами; самую же резкую противоположность с великолепным убранством Невского проспекта в начале представляет все почти пространство между Знаменским мостом и Невским монастырем, которое можно назвать изнанкою пышного Невского проспекта. В этой стороне едва слышен городской шум; нет здесь ни модных магазинов, ни купцов-иностранцев, ни мамзель, ни мадам продавиц, ни покупателей аматёров; нет даже торцевой мостовой: чем идете далее, тем становится уединеннее, встречаете лишь вонючие ряды с смолою, рыбою, некрасивые деревянные домики, длинные заборы, грязные пустыри, на которых весною бродят коровы, – и все это истребляет постепенно первое впечатление, какое произвели на вас начало и середина Невского проспекта.¹⁷

Таким образом, Невский проспект исторически разделился на три части: светская публика предпочитала проводить время на участке от Мойки до Фонтанки, далее (до Лиговки) находились различные торговые и прочие заведения для состоятельной публики, а район от Знаменской площади до Александро-Невской лавры был заселен простонародьем.

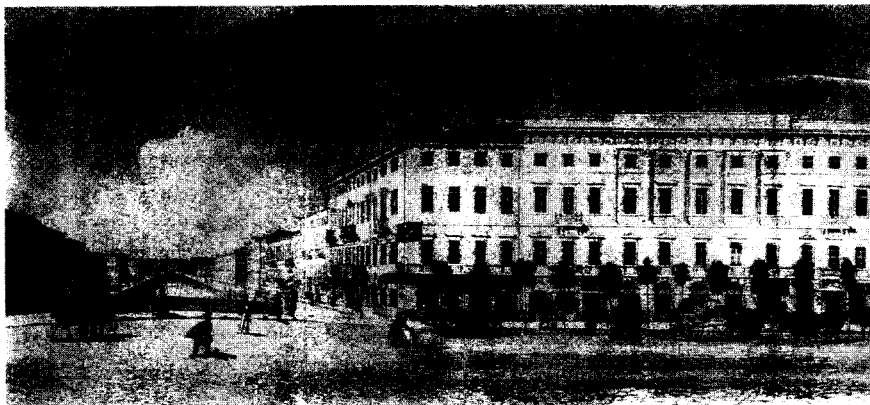
Маркиз де Кюстин, посетивший Петербург в 1839 г., делится своими впечатлениями от Невского проспекта:

Главная улица Петербурга называется Невским проспектом и заслуживает несколько более подробного описания. Эта красивая улица служит местом прогулок и встреч всех бездельников города. Таких, правда, не слишком много, ибо здесь не ходят ради самого процесса гуляния. Каждый шаг имеет свою цель, независимую от удовольствия. Передать приказание, спешить к своему начальнику, засвидетельствовать нужному лицу почтение – вот что приводит в движение население Петербурга.

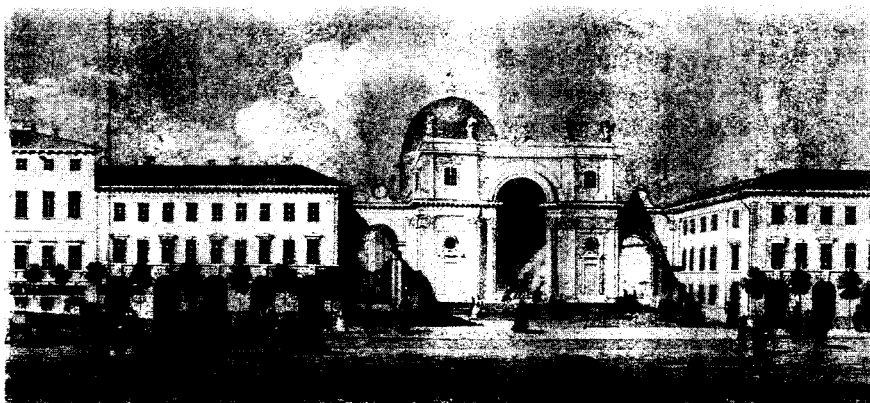
Этот именуемый проспектом бульвар вымощен ужасающими булыжниками неправильной формы. Но здесь, как и на некоторых других главных улицах, в булыжной мостовой проложены деревянные дороги – нечто вроде паркета из восьмиугольных или кубических сосновых брусков.

¹⁶ Сиделец – торгующий в лавке или магазине по доверенности хозяина.

¹⁷ Пушкарев И. И. Николаевский Петербург. СПб. 2000, с. 566-568.

В. С. Садовников. Фрагмент "Панорамы Невского проспекта". 1830-е гг.

В. С. Садовников. Фрагмент "Панорамы Невского проспекта". 1830-е гг.

Две такие полосы торцов шириной от двух до трех футов, разделенные булыжной мостовой, по которой бежит коренник, проложены с каждой стороны улицы. От домов их отделяют широкие тротуары, выложенные плитняком, на отдаленных улицах сохранились еще жалкие деревянные панели. Этот величественный проспект доходит, постепенно становясь все безлюднее, некрасивее и печальнее, до самых границ города и мало-помалу теряется в волнах азиатского варварства, со всех сторон заливающих Петербург, ибо самые пышные его улицы сходят на нет в пустыне. [...]

После полудня на Невском проспекте, на обширной площади перед Зимним дворцом, на набережных и мостах появляется довольно большое количество экипажей разнообразного вида и причудливых очертаний. Это придает некоторое оживление унылому городу, самой монотонной из всех европейских столиц.¹⁸

С 1830-х годов светские прогулки проходят на Невском в зимнее время, весной переносятся на Английскую набережную, а затем – в Летний сад. “На Невском проспекте гуляют только зимою и весной, – сообщал Башуцкий в 1834 г., – с приближением лета толпы редеют и начинают переливаться отсюда на Адмиралтейский бульвар, Дворцовую и Английскую набережные, и в Летний сад”.¹⁹

“Весной, во время распутицы, когда на Невском появлялась грязь и начиналась уборка, гулянье переносилось на Английскую набережную, а потом в Летний сад, – говорилось в заметке “Английская набережная”, – Все гуляют по Английской набережной, одному из прелестнейших гульбищ петербургских, имеющему перед всеми другими еще то преимущество, что оно не составляет сообщения между многолюдными частями города, и на нем почти не видать простого народа, в особенности несносных мастеровых мальчишек, одним словом, на нем нет мешаной толпы, неизбежной на Невском проспекте, центре всей петербургской деятельности. Желających погулять с истинным наслаждением приглашаем на Английскую набережную, тем более, что мода на это гульбище продлится только до светлого праздника,²⁰ а там поведет она всех в зеленеющий Летний сад”.²¹

Русская литература, отдавая должное внешней привлекательности проспекта, воспринимала его как метафору человеческого бытия. Еще в 1810 г. Н. Страхов в очерке “Невская улица” писал:

¹⁸ Кюстин А. Николаевская Россия. М. 1990, с. 141-142.

¹⁹ Башуцкий А. П. Панорама Санктпетербурга. СПб. 1834. Ч. 3, с. 87.

²⁰ Речь идет о Пасхе.

²¹ Северная пчела 1840. 27 марта.

Что быть может нравоучительнее, что быть может одно другому противуположнее, как не начало и конец Невской улицы? Большой бульвар с последующим малым, – суть шумные дороги сует и страстей, которые ведут в *Невский монастырь*, сие училище отвержения от мира. [...] Глубокая тишина *Невского кладбища* поглощает весь шум и все привидения сей великой улицы, которая оттуда представляется огромной мечтою, составленною из народа, долженствующего в свое время отдать долг природе [...] На *Невской улице* премножество вывесок и надписей, которыми беспрерывно увешаны и наполнены снизу доверху все дома, в три жилья построенные. С одного конца до другого она заключает в себе *энциклопедию в лицах и действиях*. На сей улице находятся все художества, со всех концов земли свезенные вещи ценою от одного рубля до миллиона, начиная с самой необходимости для скупого, до желания и роскоши сибарита, с самого тупого понятия камчадала до утонченного ума Ньютона. Всех людей мысли, желания, страсти и воображения в полной мере могут быть удовлетворены в сей улице. [...] *Невская улица* с освещенными своими окнами доставляет философу средство познать в один вечер все суеты, страсти и желания жизни человеческой. Сколько увидишь различных явлений в окнах магазинов, рестораций, кухонных столов, гостиниц, трактиров и конфектных лавок.²²

А в 1834 г. А. П. Башуцкий отмечал:

Этот проспект, обширное поле для наблюдений нравописателя и умствований философа, открывает им быт, занятия, страсти и слабости жителей почти всех разрядов; он как будто главная артерия Петербурга, от которой стремятся другие меньшие, питающие различные члены столичного тела. [...] Когда вы взгляните, когда вы вслушаетесь в *Невский проспект*, начинающийся *Экономическим обществом*, проходящий чрез все обольщения и роскоши жизни и оканчивающийся *монастырем и кладбищем*; когда вы пробежите его с конца на конец, тогда вам покажется, что это огромный, живой калейдоскоп, в который всыпано все человечество, с своею жизнен-

²² Страхов Николай. Мои петербургские сумерки. СПб. 1810. Ч. 1, с. 22, 25-27. Ср. наблюдение французского литератора Франсуа Ансело, посетившего город в 1826 г.: “Покинув монастырь и кладбище, двойное прибежище небытия, мы попадаем на самую красивую улицу Петербурга, именуемую *Невским проспектом*. Невозможно, дорогой Ксавье, удержаться от размышлений, на которые наводит ее расположение. На одном ее конце – огромное здание *Адмиралтейства*, на другом – *Александрово-Невская лавра*, а между ними – роскошь и суета модных лавок. Глаз философа может охватить здесь разом место, где человек, мечтающий о богатстве и славе, готовится к далеким странствиям, отрезок, на котором блещут плоды его тяжких трудов, и, наконец, последнее пристанище, где настанет конец его горделивым помыслам и надеждам” (Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М. 2001, с. 46).

ною деятельностью, с своими модами, слабостями, чувствами, замыслами, причудами, знаниями, страстями, расчетами, красотой и безобразием, умом и безумием; вам покажется, что все это вертится, мелькает, бежит, летит мимо вас, с изменчивостью, быстротою и блеском мысли или молнии!²³

Повесть Гоголя “Невский проспект” (1835) открывается панегириком: “Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет всё. Чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бедных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. [...] Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга”, а завершается сетованием: “О, не

Парижские модницы 1825 г.

²³ Башуцкий А. П. Панорама Санктпетербурга. СПб. 1834. Ч. 3, с. 85-86.

верьте этому Невскому проспекту! [...] Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!”²⁴ Как злословила “Северная пчела”, “постоянные жители столицы живут и умирают, не заглядывая никуда, что выходит за пределы Невского проспекта и его ближайших окрестностей”.²⁵

Романтический культ природы и живописности способствовал появлению на Западе в XVIII веке литературного жанра – “прогулка” (*promenade*).²⁶ Повышенный интерес проявлялся и к путешествиям. “Вы можете смело биться об заклад, что по крайней мере два раза в неделю везде говорят о *путешествиях!* – сообщала “Северная пчела” (1843. 26 июня) в заметке “Журнальная всячина”. – Путешествия сделались ныне европейскою страстью: это мономания нашей эпохи”.

Героем “прогулки” и “путешествия” стал и Невский проспект.

В 1824 г. “Литературные листки: Журнал нравов и словесности” поместили в разделе проза очерк “Прогулка по тротуару Невского проспекта”, подписанный инициалами Ф. Б., под которыми часто скрывался Ф. В. Булгарин – тонкий знаток города, автор многочисленных публикаций в периодике (особенно в “Северной пчеле”) о повседневной жизни города, быте и развлечениях петербуржцев. Свое сочинение автор предваряет эпиграфом из Зейме: “Кто идет пешком, видит гораздо более, в нравственном и физическом отношении, нежели тот, который едет...”

В начале очерка Булгарин сообщает вымышленному собеседнику Гореву, что он идет “прогуливаться по Невскому проспекту” (по его светской части – от начала Невского до Аничкова моста), заметив при этом, что он бывает на проспекте почти каждый день (с двух до четыре часов дня), где “стечение людей именно меня привлекает”. Далее следуют рассуждения о нынешних нравах, обсуждается (и осуждается) проходящая мимо публика, особенно достается светским денди-петиметрам. “Человека

²⁴ Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений. М. 1960. Т. 3, с. 7-8, 56. Ср. Запись в дневнике епископа Николая (28 января 1880 г.): “Видел все великолепие Невского проспекта в три часа, день был редкий в Петербурге, и потому по Невскому, к устью его, гуляющие шли сплошною массою: дамы, позирующие в колясках, кареты, дрожки, треск, шум, – сколько жизни, движения и какая масса мыслей, мечтаний, волнений, зависти, ненависти, интриги – испаряется к небу от всего этого места!” (Дневники Святого Николая Японского. СПб. Гиперион. 2004. Т. 1, с. 157).

²⁵ Городской вестник // Северная пчела 1845. 18 августа.

²⁶ См., например: *Promenade ou itinéraire des jardins d'Ermenonville* (Paris. 1788); *Henri Marie de Bougrenet de la Tocnaye. Promenade d'un Franc, ais autor de la Grande Bretagne* (Edinburg. 1795); *J. Timbs. A picturesque promenade round Dorkind* (London. 1822).

можно уподобить книге, – говорит Булгарин, – *звание* его или *сословие*, к которому он принадлежит в обществе, есть то же, что *заглавие*, наружность – *предисловие*, а поступки – *содержание*".

Встреча с супругами Добровыми послужила Булгарину поводом, чтобы поведать "краткую историю Невского проспекта", сообщить сведения о различных постройках. Затем автор очерка дает подробнейшее описание магазинов (не забывая и книжные лавки) светской части проспекта, перечисляет товары, продаваемых в них. Зайдя с Добровым в свою любимую кондитерскую Вольфа, у Полицейского моста, в которой бывал Пушкин, Булгарин рассуждает о нынешнем состоянии петербургских трактиров, сетуя, "что в Петербурге нет обыкновения обедать и завтракать в кофейных домах и трактирах, как, например, в Париже, Лондоне и прочих столицах". При этом он рекомендует посетить несколько заведений с французской кухней: трактир "Лондон" (в начале Невского) и ресторацию Талона (у Полицейского моста).

Завершается очерк обедом в доме Добровых, на котором хозяева и гости настоятельно рекомендуют Булгарину опубликовать всё, "что мы сегодня переболтали на тротуаре Невского проспекта".

Очерк Булгарин, содержащий обстоятельную информацию о проспекте, стал своеобразным первым путеводителем и редчайшим источником о повседневной жизни Невского пушкинской эпохи.

Теперь обратимся к текстам Яковлева, Даля и Расторгуева, опубликованным нами в сборнике "Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века" (СПб. 2002 - далее цитаты проводятся по этому изданию), которые корреспондируют с очерком Булгарина, наверняка им хорошо знакомым.

В 1828 г. в Москве вышла книга "Чувствительное путешествие по Невскому проспекту". И хотя на издании не указана фамилия автора, современникам хорошо было известно, что книга принадлежит перу москвича П. Л. Яковлева – сотруднику журналов "Благонамеренный", "Вестник Европы" и др. Яковлев, как и его современники, был хорошо знаком с книгой Лоренса Стерна "Сентиментальное путешествие по Франции и Италии" (1768), которая была переведена на русский язык в начале XIX века под заглавием "Чувственное путешествие во Францию" (М. 1803). Книга Стерна стала пародией на традиционный жанр путешествия, для его героя, "чувствительного путешественника", главная цель передвижения – "шаг к самопознанию",²⁷ а не описание окружающей реальности.

²⁷ Стерн Лоренс. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М. 1968, с. 550.

Яковлев также определяет себя как “сентиментального путешественника”, он указывает дату и год путешествия – май 1818 г. (год приезда автора в Петербурге) и маршрут: от Адмиралтейского бульвара до Аничкова моста, т. е. по левой аристократической стороне проспекта. Он отправляется по этому пути, чтобы описать “странствия, похождения, приключения, замечания, мечтания”, потому, что “нужно увидеть мир, прежде чем его покинуть”.²⁸

Взглянув на Невский со стороны Адмиралтейства, автор начинает свое путешествие, последовательно продвигаясь к конечному пункту – Аничковому мосту. Вначале он заходит в одну из лучших кондитерских в Петербурге – лавку Лареды (первый дом по левой стороне Невского). Однако, помня, что он путешественник, снимает номер в гостинице “Лондон” (первый дом по правой стороне проспекта) и, воображая себя приезжим, наблюдает из окна за уличной жизнью. На следующий день, покинув гостиницу, он заходит в “модную лавку” (все лучшие магазины находились на левой стороне Невского), выйдя из которой он встречает приятеля и вместе с ним отправляется в клуб – “Большое танцевальное собрание”, который находился у Полицейского моста. Далее он посещает книжную лавку, кухмистерскую (место для дешевых обедов), кондитерскую Амбиеля (в доме Армянской церкви), торопясь дойти до Аничкова

Невский проспект у Гостиного Двора, 1799-1800.

Акварель Бенъямина Патерсена

²⁸ Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века. СПб., Гиперион, 2002, с. 55; далее: Прогулки.

моста, он проходит мимо Гостиного двора, Императорской публичной библиотеки, Малого театра (между библиотекой и Аничковым дворцом) и почти доходит до Аничкова моста. Сама улица не привлекает внимания автор, он сообщает бытовые подробности лишь о заведениях, в которых он побывал, и где наблюдал за приезжими и петербуржцами, слушал их разговоры, записывал свои наблюдения. Особое его внимание, как начинающего литератора, приковано к среде собратьев по перу. Завершив прогулку, автор объявляет “себя врагом всех путешественников”: “хуже всего путешествовать. Одно и то же везде! Те же люди, те же страсти, те же добродетели и пороки” (*Прогулки*, с. 77). В конце книги автор зачитывает свое “Чувствительное путешествие по Невскому проспекту” на званом обеде.

Повесть известного прозаика и этнографа В. И. Даля “Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту”, вышедшая в журнале “Москвитянин” в 1843 г., начинается с описания Невского проспекта, его значения в жизни горожан:

Невский проспект, от Дворцовой площади и до Невского монастыря, – это не только целый город, целая столица, это целый мир; мир вещественный и мир духовный, мир событий, столкновений, случайностей, мир хитрой и сложной расчетливости, тонких происков, продувного пустозвона и грубых обманов; это палата ума и торная колея дурачества; бездна премудрости и шутовской подмост фигалярства; кладезь замысловатости и битая мостовая пошлости; картинная галерея скромности и позорище модной скромности; выставка щегольства, роскоши и вкуса – базар чванства и суетности, толкучий рынок многих, если не всех, слабостей и глупостей людских; опорная точка, основание действий и целой жизни одного человека – поворотный круг и солнцестояние другого; это ратное поприще и укромная келия – бег взапуски на беспредельное пространство и тесный круг коловращения вокруг наемного очага (*Прогулки*, с. 91).

Однако Далия интересует не сам Невский, а судьба конкретной личности, чья жизнь прошла на проспекте:

Это не тот мир, о котором я хочу говорить; дайте мне рассказать вам, каким образом для одного частного человека весь мир ограничивался, собственно, стенами Невского проспекта [...] наш герой не сбивался во весь свой век со столбового пути Невского проспекта, и был и жил тут весь свой век, тут он начал жизнь, тут и кончил (*Прогулки*, с. 92).

Герой повести подкидыш Иосиф, воспитанный в семье петербургских немцев, живых в конце Невского, вблизи Александро-Невской лавры, откуда и “начинается прогулка этого человека по правой, плебейской стороне” (*Прогулки*, с. 95) проспекта в сторону Невы. Вместе с приемными

родителями, по мере улучшения их состояния, меняя квартиры, продвигается Осип Иванович по Невскому, который стал для него “улицею родины, жительства и службы” (*Прогулки*, с. 101), и, наконец, достигает начало проспекта, где снимает комнатку на чердаке. “Чем и заключил, – пишет Даль, – первую половину прогулки своей по Невскому проспекту, прошедши в тридцать лет всю правую сторону его, от монастыря до Дворцовой площади. [...] Житье-бытье Осипа Ивановича во вторую половину жизни его, на пути от Дворцовой площади обратно до Невского монастыря, по левой, аристократической стороне проспекта” (*Прогулки*, с. 102). Невский для Осипа Ивановича – заколдованное место, он панически боится выйти за его пределы, отклонится от привычного пути на службу или обратно домой.

В 1846 г. появляются “Прогулки по Невскому проспекту”, изданные Егором Расторгуевым. Рецензенты упрекали Расторгуева в том, что его “мнения так сбиты, что очень часто встречаем страшные противоречия”,²⁹ а книга “написана для собственного удовольствия” автора, хотя “из этих прогулок можно было сделать что-нибудь занимательное, особенно для приезжих, которые нуждаются в хорошем указателе Невского проспекта”,³⁰ т. е. в конкретных адресах заведений.

Претензии к автору книги кроются в созревшей потребности иметь авторитетное справочное издание по Невскому проспекту. В 1842-1844 гг. болгаринская “Северная пчела” вела специальную рубрику “Указатель Петербурга для иногородних”, в котором особое место уделялось Невскому проспекту. И только в 1846 г. А. Н. Греч выпустил подобное издание: “Весь Петербург в кармане: Справочная книга для столичных жителей и приезжих, с новейшим планом Петербурга”, где представлен и Невский проспект (второе издание: СПб. 1851).

Расторгуев и не ставил перед собой задачу написать адресное руководство по Невскому проспекту. “Невский проспект вмещает в себе тысячи разнообразных предметов, дающих неистощимую пищу для мыслителя и для наблюдателя, – говорит автор в предисловии. – Поэтому многие особы будут ожидать от сей книги многого, и многого не найдут, даже из того многого, которое неминуемо должно бы здесь быть объяснено. Что же делать! При прогулках на Невском проспекте многое было замечено, а наиболее то, что так отличительно характеризует Невский проспект, – по нет возможности всего пересказать, что видел и замечал” (*Прогулки*, с. 121).

²⁹ Финский вестник 1846. Т. 10. Отд. V, с. 82.

³⁰ Библиотека для чтения 1846. Т. 76. Отд. VI, с. 60.

У Расторгуева Невский проспект представлен на всем его протяжении в виде подробнейшей бытовой панорамы (“Рама широка, можно добавить портретов”, – гласит эпитафия к книге). Расставшись со своим постоянным жилищем в городе, автор отправляется в Кронштадт, садится на пароход и плывет на нем “в Петербург, чтобы подобно большей части приезжающих сюда насладиться” (*Прогулки*, с. 122) панорамой приближающегося города. Затем он, как и подобает настоящему путешественнику, снимает квартиру на Невском в доме для приезжающих. Но прежде, чем начать прогулку по Невскому, он излагает историю возникновения Петербурга и Невского, подробно останавливается на географии, статистике и климатологии проспекта. Далее он говорит о нравах обитателей проспекта (кого и с какой целью привлекает к себе Невский) и отправляется на прогулку. Он предлагает полюбоваться Невским с башни городской Думы, взглянуть на уличные вывески; описывает уличные типажи и дневную жизнь проспекта, уделяя особое внимание магазинам и торговле в них.

Книжная лавка и библиотека Смирдина. Фрагмент “Панорамы Невского проспекта” В. С. Садовникова. 1830-е гг.

Отдельные главы книги (все они имеют подзаголовок: Прогулка) посвящены: здоровью горожан, увеселениям, модному магазину, кафе-ресторанам, сигарам, фруктовым лавкам, торговле винами, коферам (парикмахерам), портным, Гостиному двору, Казанскому собору и Невскому проспекту за Лиговским каналом.

Книга написана в традициях физиологического очерка и содержит ценнейшую и подробнейшую бытовую информацию, достоверность которой подтверждает и просмотр газеты “Северная пчела” за 1830-е -1840-е годы.

К середине XIX века исчезает жанр “прогулок” и “путешествий” по Невскому, больше не встречается его подробного описания, а сам проспект становится лишь фоном для бытовых очерков (см., например: Бутков Я. П. Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева: Повесть // Отечественные записки 1848. Т. 60. № 9. Отд. I, с. 101-176; Крестовский В. В. Петербургские типы: Очерки. СПб. 1865; Каратыгин П. П. Два часа пополудни в разных концах Петербурга. СПб. 1867 и др.). Выходят специальные издания, посвященные главной улице столицы: Невский проспект: Юмористическо-сатирический альбом (СПб. 1869); Невский проспект: Веселенький сборник современных куплетов, стихотворений и игровых рассказов разных авторов с поучительными рисунками и карикатурами. СПб. 1873; Шалопай Невского проспекта: Юмористический альбом с карикатурами. СПб. 1883. А в связи с двухсотлетним юбилеем Петербурга появляется иллюстрированный увраж (с фотопанорамой проспекта): Божерянов И. Н. “Невский проспект”. 1703-1903: Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга. (СПб. 1902-1903). Т. 1-2.

В конце XIX века Невский, особенно по вечерам, обретет репутацию злачного места. Вечером проспект заполняла специфическая публика и “по Невскому считалось неприличным ходить пешком по вечерам”.³¹ Журналист Животов, наблюдавший ночной Невский летом 1893 г. с “извозчичьих козел”, пишет: прохожие – “почти исключительно ‘отравленные’, с бессмысленными взорами, нетвердыми шагами, дикими выходками [...] Число ‘девиц’ велико [...] Дебоши на Невском проспекте прекращаются только в пять часов утра, когда разойдутся по домам последние посетители ресторанов, торгующих до трех-четырёх часов утра”.³²

³¹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris 1988, с. 15.

³² Животов Н. Н. Петербургские профили: На извозчичьих козлах. Шесть дней в роли извозчика. СПб. 1894. Вып. 1, с. 15-16. См. также: Нечто о негодях нашей столицы // Петербургский листок 1892. 24 августа: Никитин Н. В. Петер-

На рубеже XX века светская публика предпочитает, как тогда выражались петербуржцы, “делать большие прогулки”³³ по Большой Морской улице. “Обычная жизнь города была бедна и однообразна, – вспоминает Мандельштам город начала XX века. – Ежедневно к часам пяти происходило гулянье на Большой Морской – от Гороховой до арки Генерального штаба. Всё, что было в городе праздного и вылощенного, медленно двигалось туда и обратно по тротуарам, раскланиваясь и пересмеиваясь: звяк шпор, французская и английская речь, живая выставка английского магазина и жокей-клуба. Сюда же бонны и гувернантки, молжавые француженки, приводили детей: вздохнуть и сравнить с Елисейскими полями”³⁴.

“Прогулка по тротуару Невского проспекта” Ф. В. Булгарина публикуется по изданию: Литературные листки 1824. Февраль. № 4, с. 117-133, Март. № 5, с. 159-172, Март. № 6, с. 203-230. Постраничные примечания в очерке принадлежат автору (в сносках звездочка* заменена на цифры). Сохранены архаические формы слов и авторские стилистические особенности. Исторические реалии, приведенные автором, не нуждаются в корректировке. За содействие в работе благодарю Ларису Иванову.

бург ночью. СПб. 1903 (очерк “Тайны Невского проспекта”); Новые петербургские трущобы: Очерки столичной жизни. СПб. б. г. (Ангаров Ю. Невский вечером); Недешева В. Невский проспект: Очерк. СПб. 1906; Граф Амори (И. П. Рапгоф). Тайны Невского проспекта. Петроград 1915.

³³ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники, с. 16.

³⁴ Мандельштам О. Египетская марка. Л. 1928, с. 85.